

литературный журнал

Артикль №3

Коллектив авторов
Артикулъ. №3 (35)

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Артикль. №3 (35) / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851666-5

Израильский журнал «Артикль» — неординарное явление в современной литературе. Это издание собрало под одной обложкой лучшие литературные силы не только той страны, в которой оно создаётся, но и всего русскоязычного мира. Теперь «Артикль» выходит к читателям одновременно в электронном и бумажном издании. Это третий номер обновлённого журнала.

ISBN 978-5-44-851666-5

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Проза	6
Елена Викман	6
Дисания	6
Жанна Свет	13
А что еще остаётся?!	13
Мария Шенбрунн-Амор	21
Мир с Египтом	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Артикул №3

Редактор Яков Шехтер

Редактор Михаил Юдсон

ISBN 978-5-4485-1666-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза

Елена Викман

Дисания

Круглые красные щечки, как твердые зимние яблоки, желтое плюшевое тельце. Вышитые глазки, умильные уши. Двадцать лет назад Рю подарил его любитель итальянской поп-музыки, с которым она не хотела встречаться. Она так и не удосужилась посмотреть ни одной серии про покемонов... И ни одного выпуска Сан-Ремо.

В пять лет она еще не выговорила и смешно искажала свое имя.

– Как тебя зовут, такую кудрявую?

– Марюся...

С тех пор и повелась домашняя кличка Рю.

Она любила сложные слова и специально выкапывала их в сети.

Не всякие там ассонансы, это слишком просто, пройденный этап, а действительно редкие, заковыристые. Петрикор годился, – запах земли после дождя. Урман – густой непроходимый, бессветный почти лес, подходил.

А еще были слова из детства, полустертые, словно раздавленные ластиком на тетрадной страничке в линейку.

– Легід – шептали они, – теплый вечерний ветер

– Летіпло – летняя водичка, не холодная, и не парное молоко – нечто среднее.

Рю вставала затемно, щелкала выключателем, не открывая глаз, она считала дурной приметой начинать день, не обозначив контуры предметов, не внеся в мир обыденность и безопасность.

Вчера подросток едва не утонул, ныряя на городском пляже за редким водяным покемоном.

Другого укусила гадюка, когда он двигал корягу, под которой она мирно отдыхала, – тоже покемона выуживал.

Третьего едва не переехал междугородний экспресс, белый, с зелеными номерами Палестинской автономии. Хорошо водитель успел вовремя затормозить

Рю порой увлекалась смартфонными играми, но категорически не умела отыскивать в сети пиратские копии. Поэтому за покемонами она не охотилась. Понятно, когда игра станет официально доступна, она убьет некоторое время на поиск этих милых созданий в близлежащих парках и постройках, но не слишком много, – чувство меры ей не изменяло.

Соседская девочка вчера вывихнула ногу, – бежала, следя только за подрагивающим бипером на экране, – и не заметила ступенек.

В Америке, говорят, кто-то в похожей ситуации свалился с моста.

Одинокая Рю больше всего боялась серьезной травмы или болезни, поэтому жила осторожно: не носилась, сломя голову, не хватала с уличных лотков непроверенные продукты, не пялилась в телефон, переходя дорогу, не откликалась на соблазнительные предложения случайных интернет-знакомых. Она не нудная была, просто продуманная очень. Таким бывает профессиональный текст, не претендующий на талантливое письмо, – аккуратным, и придраться не к чему, а то, что читать скучно, так скука понятие сугубо субъективное.

Первого покемона Рю поймала в садороде (так она окрестила небольшой участок у дома, несколько кустиков и пара фруктовых деревьев, нечто среднее между садом и огородом). Он сидел на ветке мушмулы (ее здесь называют шесек). Это был Пиджи, больше всего напоминающий драчливого воробья из старых советских мультиков, пузатенький, хохластый и в меру задиристый.

– Иди сюда, – Рю протянула руку к дереву на экране смартфона. Пиджи подумал, потоптался на ветке, почти настоящей, только излишне коричневой, и перешел на рисованное предплечье перса. Рю даже почудилось на мгновение, будто ее аккуратно царапнули крохотные коготки. Она машинально сорвала с дерева два оранжевых плода, покрытых нежным пушком, ещё чуть-чуть и шесек поспеет. Тогда она притащит из сараюшки лестницу, прислонит ее к морщинистому стволу и будет тянуться, до хруста в суставах, привставать на цыпочки, оглаживать пальцами нежную кожу. И складывать, сперва в горячий от солнца полотняный передник, а после в раскаленное звонкое ведро. Вот это, если разобраться, и была она, – простая жизнь, без всякой augmented reality. Пиджи на экране требовательно пискнул и наклонил голову. Рю погладила его, успокаивая.

На следующий день в сумерках она совершенно случайно отыскала под старой корягой у границы арабских виноградников, там, где хрипло кричат ослы и еле слышно звенят провода, редкого бульбозавра, то ли животное, то ли растение с луковицей на спине. Бульбозавр был довольно ядовит, а питался, кажется, с помощью фотосинтеза. Рю брела домой по пыльной дороге, старой кольцевой, которая прежде проходила по границе между своими и чужими лоскутами земли, прижимаясь к забору. Тогда по ней ездил неповоротливый дозорный джип с мигалкой. Потом забор перенесли, появилась новая кольцевая, и там ревели, вздымая песок и щебёнку, тяжелые джипы, а здесь пыль нарастала, слоилась, изредка змеилась следами широких, четыре на четыре, автомобильных колес. Телефон булькал, потрескивал, пищал, в общем жил своей жизнью, посылая сигналы в недополненную реальность. Рю порой думала, что если однажды исчезнут, сметенные чудовищной силой, все люди, их самсунги и айфоны будут попискивать, разливаясь трелями будильников, шелкать, принимая отправленные автоматами рассылки спама – пока в них не умрут, окончательно разрядившись, батареи.

Она продолжала заполнять тетради крупным неровным почерком, чувствуя, что выбивается, выпадает из шага времени. Ей нравились запах и фактура настоящей бумаги, и чистой, и покрытой типографскими знаками. Бумажные книги имели вес и аромат, а электронные казались обманкой, поманили яркой обложкой – а под ней не шорох страниц, а скольжение пальца по бесшумному экрану и мерцающие червячки букв. Кроме того постоянно тренькают облачка сообщений из приложений и игр. Вот и сейчас посреди детектива – «звук».

В лесу Лахиш обнаружена необычно высокая концентрация покемонов.

Два игрока в Pokemon go пропали в районе Ятирского леса.
(наверняка заблудились в поисках чудовищ, дурачки)

В зоне отдыха под Хадерой туристы жаловались на странный шум, напоминающий рычание крупного зверя, и на неприятный гнилостный запах.

(знаю я эту зону отдыха: бывшее болото, белые стволы эвкалиптов, мерцающих томно в ночи, бесчисленные мангалы и костры. Должно быть, что-то привиделось отдыхающим после восьмого пива).

– На Мицтэ Люцифер ловец покемонов едва не свалился в пропасть во время погони за экансом.

Рю посмеялась над незадачливыми игроками и вернулась к детективу. В детективе был двадцать восьмой или двадцать седьмой год, и умными телефонами даже не пахло.

– Хотела бы я жить в то время? – лениво подумала она. – Да нет, скучно, опять же – между двух мировых войн, да диктатуры, да мировой экономической кризис.

Ночью прохладный ветерок распахнул настежь окно, и в него потянулась призрачная рука, обмотанная белым газовым шарфом. «Газовая дама идет за тобой», – зашипело из-под шкафа. Рю подскочила в холодном поту и даже, кажется, закричала. Газовая дама была наипугающей страшилкой ее допионерского детства. Как-то раз, летним вечером, когда стрижи чертили в розовеющем небе, а вороны носились с хриплыми криками над сквером, суетливо кружа у своих неряшливых гнезд, Петька рассказал новую историю взамен надоевшей уже Пиковой дамы. Лузга от семечек щедро засыпала асфальт у скамейки, покрыла рябинками классы, аж до пятерки. Петька плюнул, красиво, почти достал до цифры семь, – нет, не достал, остановился на шестерке, оставил у нее на пузе пару смачных черных отметин.

– Газовую Даму звать не надо, – говорил Петька, – она появляется так вдруг, без предупреждения, как чума.

– Чума всего лишь острая инфекция, – заявил умненький Марик, – и ничего она без предупреждения не является, ее разносят тарбаганы, суслики такие, и блохи. Вдруг – это когда бандит на улице нож в спину воткнет или кирпич на голову свалится.

– Значит, как урка, – рассердился Петька, – не мешай рассказывать.

В общем, она появляется, вытягивается откуда-нибудь такая прозрачная рука, обмотанная газовым шарфом, и начинает им махать вслепую. Кого заденет, пометит, может когда-нибудь за ним вернуться. Кого плотно обмотает – тот непременно вскорости умрет от удушья, или повесят его, или от газа угорит – что-нибудь такое.

– Еще может быть дифтерит, – вставил Марик, – но он сейчас редко встречается.

– Не зовите смерть, – прошамкала проходящая мимо бабка, глянув на них белыми глазами, – чего доброго услышит.

Она уже прошаркала за гаражи – бабка незнакомая, и глаза у нее страшные, будто бельмами затянутые, но тем не менее зрячие. Потом их с Мариком одновременно выкрикнули с балконов, пора было идти за музыкалку, выносить мусор. Мусорная машина приезжала в половину восьмого, если не опаздывала. Они с Мариком шли между гаражей, кидались на меткость зелеными абрикосами, когда вдруг между двумя коробками, обитыми ржавеющими листами железа, потянулась рука в широком холщовом рукаве, на руке болтался завязанный мертвой петлей белый тонкий шарф. Рю завизжала и нырнула вниз, глотая пыль, поползла по-пластунски в сторону звона, возвещавшего приближение мусорки, к людям. У последнего гаража подскочила и понеслась бегом, волоча за собой ведро. А Марика зацепило всерьез, осалило бегущего, прогладило по обеим ногам, по животу...

– Чёрт-те во что играете, – проворчала злая соседка Клава, – грязные, как негритосы.

В ту же ночь Марика накрыло приступом астмы. Он в самом деле едва не задохнулся, потому что Мариэта Львовна, его бабушка, никак не могла припомнить, куда положила ингалятор. Нашелся он, когда скорая была уже в пути, в кармане фартука с ромашками, отдохавшего на гвоздике в кухне, слева от раковины – Мариэта Львовна была совсем немного педанткой.

Еще долго Рю и Марик боялись гаражей и шли к мусорке в обход, огибая музыкалку по периметру. Потом Рю придумала начертить мелкими посреди асфальта полосу безопасности, «заговоренную», и ходить только по ней, – ну, как в сказках: человек, чтобы спастись от чертей, рисовал круг и не выходил за его границы. Действительно помогало, внутри цветной полосы страшно не было. Потом и вовсе отпустило – полоса стала не нужна, и все вернулось на круги своя. А про Газовую Даму Петька больше не рассказывал, на всякий случай. Рю потом пришла к выводу, что это он их с Мариком разыграл, но признаться боялся. Так и успо-

коилось, до той ночи. Усики стрелок на часах подвинулись к половине пятого, Рю все еще не спала. Это была ее личная примета: если что-то привидится, совсем жуткое, не ложиться снова до пяти утра. В пять небо меняло свой цвет, зимой чуть-чуть, а летом – вполне ощутимо, начинали орать оглашенные петухи и муторно завывать ишаки, собаки заливались бодрым утренним лаем, ревел под окнами первый автобус в город, соседи копошились, собираясь на работу. Рю и сама выходила рано, в половину шестого, поэтому в тот день ей не удалось доспать. В автобусе она листала приложения – и вдруг вздрогнула. Маленький безобидный Пиджи снес яйцо. Яйцо лежало в соседском саду, в гнездышке под шелковицей, и было вызывающе голубым. Сквозь тонкую скорлупу просвечивали невесомые белые петли. В уведомлении значилось: «Пиджи снес яйцо Газовой Дамы. Дама выйдет через 72 часа.» 72 часа. Рю знала, что яйцами Пиджи питается змееподобный покемон Эканс. Оставалось найти Эканса и высадить его рядом с яйцом.

Первым делом он пребольно укусил ее за палец, ощерился треугольной головой, приподнял хвост, демонстрируя готовность к новому удару. Рю сделала вид, что совершенно не боится маленького Эканса, даже улыбнулась ему, подула на укушенное место и громко сказала:

– И ничуть не больно, ни капельки.

Змей только насмешливо покачал головой, но принял условия игры, свернулся в уголке экрана, умиротворенно закрыл глаза.

Целый вечер Рю провозилась на кухне, сооружая торт с зеленым шпинатным покрытием, разделяя упрямый бисквит ножом – вдоль – промазывая его жидким сладким кремом. Тетрадь для заметок валялась на столе, заслуженная, потертая, в едва заметных пятнышках от фруктов и шоколада. Когда Рю «вспоминалось», она подходила к ней, открывала, царапала что-то вроде: «Написать родителям Гидона, что он не отреагировал на первые два замечания (пытался достать из сумки телефон, шуршал, болтал, колол соседей остро заточенным карандашом, рисовал на вырванном из тетради листе таблицы для игры в «Города и страны»). Когда она сделала третье замечание, мальчик оглядел ее, сузив голубые глаза, дернул углом рта и процедил: «Заткнись, корова. Не доставай меня, если не хочешь, чтобы я прыгал, орал и кидался стульями. Я могу, ты меня знаешь.» Сформулировать нужно так: «Разговаривал с учителем без должного уважения, грубил.»

Яфит (в одной руке водяной пистолет, в другой – палка) гонялась по всей территории школы за Шмуликом. Шмулик наверняка сам виноват, сказал гадость, но внушение стоит сделать обоим. Опять же – краткие СМС родителям: «Вели себя неподобающим образом, не реагировали на замечания учителей».

Шестой класс – практически весь! – завалил недельный диктант. Заставить переписать. Телефон требовательно заорал в гостиной. Рю бросилась к нему. Звонили рекламщики (Не хотите ли купить улучшенный супер-фильтр для очистки воды? Я не знаю, в какой вы сотовой компании, но наша все равно круче). Отделавшись от ненужного разговора, она зашла в «Pokemon go». Эканс доедал яйцо. Голубоватая субстанция корчилась и угрожающе пищала на ультразвуке. Пиджи бестолково мельтешил перед носом у змеи, пытался клюнуть ее, трепетал слабыми крылышками. И все равно ей показалось, что голубоватое облачко ускользнуло, просочилось между ветвями, чтобы потом вернуться и отомстить. Но это, в любом случае, будет потом.

Через три дня в Лахишском лесу нашли охотника за покемонами с четкой странгуляционной бороздой на шее, полуживого. Он нес чушь про ночные пляски козлоногих сеириков и прозрачных лилит, про джиннов, возникающих в предрассветные часы. «Выходят из дыма, сами они дым, сгущаются, обретают черты пугающие, титанические» – (Он, вроде, так и сказал – «титанические») – «приближаются, окружают, сдавливают шею горячими гибкими пальцами». А главное: они появлялись около половины пятого утра, когда незадачливому путнику начинало казаться, что опасность миновала, ночные демоны отступили, и настал понятный день.

Она вошла в класс за две минуты до звонка, шлепнула об стол корзинкой для телефонов – Кто не уверен в том, что способен удержать смарт в сумке и не тянуться за ним каждые пять минут, пусть лучше положит сюда.

Желающих не нашлось.

– Буду отбирать, – сказала Рю скучным голосом, – приготовились к уроку. Моше, если твой учебник опять почему-то в другом классе, сходи за ним сейчас. Яффа, если ты думаешь, что продолжишь читать эту книгу во время урока, ты сильно ошибаешься. Ицик, последний раз говорю, убери нарды под парту, а то сегодня же позвоню отцу.

Дети копошились, оговаривались, просились в туалет и «выплюнуть жвачку» еще минут пять после звонка. Потом, наконец, утомонились и начали тоскливую песню: «Объясняешь ты мало, а спрашиваешь много». Рю давно научилась подобные замечания пропускать мимо ушей. В языке ведь просто: объясняешь, пока не убедишься, что до всех дошло, а потом тренируешь, тренируешь, тренируешь, пока оскомину не набьет.

Они делали четвертое упражнение на настоящее длительное, которое в детстве Рю еще называлось *present continuous*, а потом как-то незаметно и прочно стало *progressive*, когда внезапно, тошнотворно и безнадежно завывла сирена. И сразу же затопало, загрохотало, загроюкало и заухало – выскочили из классов дети. Завхоз, спотыкаясь, понесся к убежищу с ключами в руках.

И снова:

– Ави, не беги. Гидон, не толкай маленьких. Авива, спрячь чипсы, потом откроешь. Шмулик, не фотографируй, ничего здесь интересного нет. Ярдена, сейчас как раз время лезть в сумку за зеркальцем и помадой.

– Сядьте, пожалуйста. – Сели, кому сказано. – Сядьте немедленно. (на разные голоса).

Через десять минут директор стоял посреди двора в позе пугала, широко разведя руки и кричал:

– Успокойтесь! Это ошибка. Я не знаю, кто ее включил!

Кто включил, так и не выяснили, тем более, что набаловали не на территории школы, а во всем поселении.

Ученики говорили, будто в темных углах, у распределительных щитков, где на днях поймали покемона видла, шастают горбатые карлики с огромными руками и жуткими пылающими глазами. В конце дня директор объявил, что игра в покемонов на территории школы запрещена (а кого поймают за этим, отстранят от занятий на три дня).

В автобусе Рю надела наушники и поставила плейлист Бернеса, песен сорок подряд. Это ее вводило в те времена, когда страх был только реальным, зримым, осязаемым, воняющим, воющим – и не мог возникать из условной реальности мобильных игр.

Еще двоих покалеченных ловцов покемонов нашли в районе кратера Рамон. Одного из них спасти не удалось. Выживший рассказывал, что из змеинового яйца вылупился красный каменный идол, могучий и ядовитый, что любое прикосновение его смерть и даже на расстоянии он опасен.

В этот вечер Рю отыскала забавное словечко: дисания – трудность при пробуждении, тяжело открыть глаза и перейти из мира снов в реальность.

– Это у нас у всех дисания, – думала Рю, повторяя словечко, пробуя его на вкус. Оно было неприятным, холодновато-серым с рыбным привкусом.

Дисания – трудности при переходе из дополненной реальности в обычную.

Страхи у всех разные, логичные и парадоксальные, большие и малые, по Юнгу, и по Фрейду, и по Лавкрафту.

Моше Барзи, например, проснулся в ночь со вторника на среду от настойчивого и громкого визга мобильника. Тот сообщал, что покемон снес яйцо банковского глиста. Глист должен был вылупиться через три часа, как раз к началу рабочего дня. Утром, ровно в девять, Моше

прихлебывал черный кофе у себя в офисе, когда ему позвонил банковский служащий и нехорошим голосом сообщил об овердрафте и трех вернувшихся чеках. Моше пропотел и бросился проверять. Со счета волшебным образом исчезли двадцать семь тысяч шекелей. Когда несчастный господин Барзи и в самом деле проснулся, в холодном поту, счет был в порядке, но покемон действительно снес яйцо некоего глиста.

Йоси Д. повезло еще меньше. Его покемон во сне разродился яйцом демона Нильской лихорадки. Наутро разнервничавшийся Йоси собрал сумку и проследовал в приемный покой иерусалимской больницы «Шарей Цедек».

– У меня начинается Нильская лихорадка, – твердо сказал он равнодушной регистраторше, – температура 37,3.

Тетушке Адине привиделось, что под ковриком у нее в прихожей – целая россыпь яиц блох и вшей, разносчиков страшных инфекций. Сначала она мела коврик. Потом орудовала пылесосом. Потом вынесла безнадежно испорченную вещь на помойку. Потом еще три часа кряду мыла всю квартиру с хлоркой. Потом чистила диваны. Потом снова мыла, на всякий случай. Потом отдираала бактерии от мебели. В половине двенадцатого пришлось вызывать психиатричку.

Рю ничего не снилось с той ночи, как привиделась Газовая дама. В смысле, ничего существенного. Все видения отражали повседневный опыт, почти не искажая его. Утро пахло кофе, рогаликами и сыром халуми, вечер – черным хлебом с солью, помидорами и твердыми кисловатыми яблоками, в выходные добавлялся аромат свежего зеленого чая, фруктового пирога и горького шоколада.

Как-то раз, вечером в четверг, телефон требовательно пискнул. Рекомендовал новейшее приложение «Чудовища».

Они уже здесь! Не пропустите! Не подпускайте их близко!

Рю решила почему-то загрузить приложение, на пару дней всего, посмотреть, что они так настойчиво рекламируют.

– Старый горбатый карлик пробудился на улице Йони Нетаниягу, в полутора километрах от твоего жилища, – сообщило приложение:

– Пиковая Дама гуляет в окрестностях Хайфы.

– В Лахишском лесу замечен Шаб-Ниггурат.

– Покемоны исправно несут яйца чудовищ. Наше приложение расширяется и наполняется монстрами.

– В каньоне Азриэли из витрины вышла Кровавая Мэри.

– Под мостом Алленби шалит тролль.

– Старый горбатый карлик ищет добычу. Ему необходимо убивать двоих в день.

Из чата: «Ребята, снесите эту ерунду нафиг, вместе с покемонами, а то крышу снесет!»

– Старый горбатый карлик пробудился. Карлик выбирает направление. Карлик идет на Юго-Запад.

– Карлик в трех километрах от твоего дома.

– Карлик резко меняет направление.

– Он в двух километрах от твоего жилища. В полутора. В восьмиста метрах.

– Карлик принюхивается.

– Карлик хватается бродячую кошку.

– Карлик ищет жертву. Всем лучше спрятаться! Закройте окна и двери. Сидите тихо, у карлика очень тонкий слух.

– Он прислушивается и принюхивается.

– Ходит по твоей улице. Слышишь его шаги?

Рю показалось, будто снаружи и в самом деле кто-то топает и громко фыркает, будто тянет носом. Она отложила телефон, отключила звуковой сигнал и пошлепала босиком на кухню делать чай. Обычного, из пакетиков, не хотелось, нужно было заваривать ароматный зеленый, с жасмином. Где вот он только? (Топ-топ, фыр-фыр на улице. Явно нервы шалют). Она взобралась на табуретку, стала шерудить в верхних шкафчиках. Корица, выдохшийся английский перец, ополовиненный пакет хмели-сунели, сморщенный перчик чили, гвоздика, куркума, кардамон, лимонная кислота, шафран, сухие листья базилика... Да где же этот чертов чай?! Топот на улице вроде стал тише, начал удаляться в направлении лестницы, ведущей на верхние террасы, к коттеджам. Рю облегченно вздохнула, тут же сделала неловкое движение, задела пыльную старую чашку с вишенками, прибранную наверх за ненадобностью. Чашка покачнулась – и полетела на пол, весело дробно звеня. В гостиной злобно завибрировал телефон. Кто-то подошел к входной двери, принюхался, заскрипел, зазвенел чем-то, зашуршал.

«Старый карлик подбирает отмычки к твоей двери!» —

орала красным надпись на экране телефона.

Рю схватила аппарат, бегом, под звяканье отмычек, помчалась в туалет, бросила телефон в унитаз. Шорохи и звяканье замедлились с первым же жалобным плеском. Телефон еще вякнул беспомощно на вибро-режиме, – и замолк навеки.

Но призрачный карлик удалился не сразу, помедлил еще – дисания, что тут скажешь...

На другой день форумы пестрели скорбными сообщениями о нервных приступах, инсультах и инфарктах у тех, кто не догадался или не успел отрубить дополненную реальность. Психиатры настойчиво советовали записываться на прием в кабинеты анонимной помощи.

Телефон, новый, без игр и интернета, как стало модно в последнее время, молчал. Чайник пыхтел с усилием, перед тем, как ласково и тонко засвистеть. За окном подростки поставили систему караоке и завывали, умудряясь не попадать ни в одну ноту. Мир менялся, ежесекундно перетекая из реальности в реальность. В темных переулках топало, звякало и шуршало, но никто не обращал внимания.

Жанна Свет

А что еще остаётся?!

Вика и Вик с детства считали, что предназначены друг другу.

Они принадлежали одному кругу, имели образованных успешных родителей, да и сами получили неплохое образование, Вика даже докторат сделала, не знаю, честно говоря, по какой теме, да это и неважно.

У них был роман, однако жили они, хоть и на одном этаже, но каждый в своей квартире.

Хотя какие там квартиры! Дешевые студии, где душ и унитаз отделены от остального жилого пространства не слишком толстой перегородкой, так что все звуки (и запахи тоже) становились достоянием всех, кому выпала сомнительная удача оказаться по другую сторону этой хлипкой стеночки.

Я-то знаю – на правах их общей подруги я частенько бывала в этих каморках где вечно неубранные постели светили скомканным несвежим бельем, кухонная ниша представляла собой филиал городской свалки, а собака Вика и кошка Вики спали прямо на серых простынях или ели что-нибудь, добытое из немытых тарелок и кастрюль.

Мы давние знакомые с Викой и Виком. Мы учились в одном классе, еще в школе дружили троим, я считалась бесплатным приложением к красавице Вике, но все ошибались: я всегда сама по себе.

Они просто были мне интересны, вот и все. Тем более, что человек я закрытый, а они оба всегда так поглощены собой, так не интересуются никем и ничем, что с ними я могу чувствовать себя в безопасности от посягательств на мои личную жизнь и внутренний мир.

Школу я, правда, окончила позже, чем они: мы с родителями попали в дорожную аварию, в результате которой я стала сиротой, а врачи запретили мне дальнейшую учебу. Не потому, что я стала дурочкой, просто длительное умственное напряжение вызывало у меня дикие головные боли, так что пришлось мне искать новое поприще: ведь до аварии я хотела учиться на математическом факультете, но кому-то эти мои планы помешали, и меня остановили самым радикальным образом.

В школе ко мне отнеслись более чем по-людски, поставили средние оценки по всем предметам, что меня полностью устраивало, но высшее образование помахало мне ручкой, и нужно было придумывать, как жить без родителей и вообще без близких людей: я осталась совершенно одна, родни не было никакой.

Пришлось задействовать все свои способности и возможности, в результате, уже через полтора года после окончания школы я начала сама зарабатывать себе на жизнь.

Я всегда неплохо рисовала, поэтому, поразмыслив, окончила курсы росписи фарфора и стала делать на продажу декоративные тарелочки для стен, кружки с памятными надписями и рисунками, а потом освоила еще и роспись по шелку – вот тут-то дела у меня и пошли.

Мои шарфики и зонты пользуются бешеным спросом, зарабатываю я очень неплохо, делаю сбережения, купила квартиру, снимаю мастерскую.

Квартира моя вылизана до блеска: горничная-тайландка очень боится, что я позвоню в иммиграционную службу (хотя я бы ни за что не поступила так, но она сама придумала себе этот страх и сама себя в нем держит – тут я бессильна), а потому старается всюю.

Я не афиширую свой достаток. Одеты хорошо, но когда меня спрашивают, где я беру свою одежду, отвечаю, что покупаю все в конце сезона, когда бутики отдают старые коллекции за бесценок. Это неправда, но Вика и Вик настолько привыкли считать меня нищей дурочкой, что верят этой лжи безоговорочно.

Кстати, они даже не подозревают, что я живу в собственной квартире в хорошем районе, думаю, я приезжаю к ним на автобусе из какой-нибудь трущобы, потому что я всегда останавливаю такси за углом, куда не выходят окна их студий.

Я не люблю находиться в их жилищах, поэтому всегда стараюсь вытащить обоих из дома, мотивируя тем, что дышу целый день красками, и мне необходим свежий воздух.

Они ленивы, ворчат, но выползают из своих берлог: ведь, в общем-то, люди они безвольные, но тщеславные, им доставляет удовольствие мысль, что они великодушны по отношению к убогой больной подруге.

Мне их мотивы не мешают, я не завишу от отношения окружающих, я сама себе голова, знаю себе цену, а болезнь... что ж, все же почти восемнадцать лет здоровья судьба мне подарила. Мало ли людей больны с рождения и понятия не имеют, как это – чувствовать себя здоровым и сильным.

Тем более, что я себя больной и не чувствую, нужно только не зачитываться и не смотреть больше двух фильмов подряд.

Вика и Вик зарабатывают немного, как-то им не везет с трудоустройством, не помогают ни дипломы, ни степени. Это идиотизм, что люди, потратившие на образование почти двадцать лет и немалые средства, не могут обеспечить себе достойную жизнь, что-то неправильно устроено в перераспределении денег, хотя свои-то я зарабатываю честно – пусть не кровью, но уж потом – точно.

Правда, их ждут неплохие наследства: родители у обоих не бедные, но не дают своим детям денег со времени учебы в колледже в воспитательных целях, чтобы те научились понимать цену деньгам и поняли, как нелегко они достаются.

Бесполезно! Деньги у их детей текут между пальцами. Хотя «текут» не слишком точный образ: поскольку денег этих не так много, то они, скорее, капают, но, видимо, прорехи, через которые они капают, слишком велики, потому что уже за неделю до зарплаты парочка оказывается на мели и питается макаронами с кетчупом и даже без масла.

Иногда я сообщаю им о выгодно сданном заказе, и мы ужинаем в китайском ресторане, но делаю я это нечасто, а как они развлекаются, когда меня нет рядом, мне не известно.

Вы можете подумать, что я холодная стерва, но это не так: я хорошо отношусь к Вике и Вику, просто жизнь заставляет меня проявлять осторожность. У них есть родители и куча родни; если они заболеют, им помогут, выйдут, а в старости они будут получать пенсию да еще и деньги родителей перейдут к ним.

Не моя вина, что они выросли беспечными и спокойными за свое будущее и что у них есть все основания оставаться такими.

Но и не моя обязанность тратить на них: мое будущее зависит только от меня, а я не хочу оказаться в нищем доме для престарелых.

Не думаю, что мне удастся выйти замуж и родить детей. Во-первых, у меня скромная внешность, мужчины не обращают на меня внимания. А во-вторых, врачи утверждают, что беременность и роды могут в один миг отправить меня на тот свет – и зачем же я буду туда стремиться, если меня оставили жить? Что-то ведь моя судьба имела в виду, раз я выжила? Не хочу я ее искушать, хочу жить, а потому должна думать о старости уже сейчас.

В конце концов, если материнский инстинкт начнет меня доставать, то я сумею его удовлетворить: слишком много на белом свете детей-сирот, и почему бы нам не объединить интересы с одним из них?

Конечно, если бы я не скрывала свой материальный достаток, и для меня нашелся бы мужчина, но вот именно этого я и не хочу. Не хочу покупать себе семью: ведь близость и доверие не купишь. Я не говорю о любви – это что-то, чего я вокруг себя не вижу, что-то из книг и кино. Но, поскольку у меня свое представление о сути литературы, то я не слишком ей верю.

Мне кажется, писатели в своих произведениях описывают мечты, видения, которые не могут сбыться, ибо являются фантастикой чистой воды, не имеющей никакого отношения к реальной жизни.

Я люблю читать. Но верить прочитанному – увольте! Настолько моей наивности не хватает

А большинство людей верят литературе и пытаются строить жизнь, какой она выглядит в книгах, почему и становятся несчастными, но веры в мифы не теряют, и это является загадкой для меня. Я не способна верить, мне необходимо знание, только знание может руководить моими поступками и чувствами.

Конечно, если какой-нибудь приятный мужчина заинтересуется мной – такой, какая я есть – и если он вызовет у меня ответный интерес, я его не оттолкну. Но пока этот гипотетический мужчина мне не встретился, а вот мои друзья Вика и Вик пришли к краху из-за своей безоговорочной веры в любовь до гроба.

Собственно, у них так и получилось – до гроба. И это не метафора.

В один из своих визитов к ним я заметила, что между моими друзьями, словно бы, черная кошка пробежала. Обычная их полуироническая, но вполне дружелюбная пикировка приобрела ясно видимый оттенок плохо скрываемой злобы. Видно было, как они стараются ударить друг друга побольнее, особенно злилась Вика. Вик, скорее, отвечал на ее выпады, чтобы не остаться в дураках, а когда Вика молчала, сохранял вид благодушный, полного довольства жизнью.

Я ломала голову над их странным поведением, но в тот день ничего не узнала и не поняла.

Решив, что они уже достаточно долго вместе, чтобы начать ссориться прилюдно, тем более, при мне, кого они знали с детства и не стеснялись, я выбросила их ссору из головы, но через две недели, придя к ним опять, увидела, что поторопилась: накал страстей достиг своего апогея, и они только что посудой друг в друга не швыряли.

Ни о какой прогулке, разумеется, речи не могло идти, и я сказала, что, пожалуй, пойду домой, раз они не в духе, но больше никогда не приду к ним, если они не прекратят скандалы, тем более, что я вообще не понимаю, с чего они скандалить принялись – жили ведь душа в душу и не один год...

Они примолкли и с каким-то удивлением смотрели на меня: мой решительный тон удивил их, я ведь раньше так никогда не разговаривала.

Их взгляды меня не остановили, я надела пальто и ушла.

На улице меня догнала Вика и пошла рядом. В мои планы вовсе не входило вести ее к себе домой, и я предложила ей пойти посидеть в кафе, сказала, что у меня хватит денег на чай с пирожными.

Мы так и сделали, причем она еще и бутылку вина заказала, но, зная, что мне пить нельзя, не стала мне его предлагать. Она попивала, мне это было известно, но кто я такая, чтобы воспитывать взрослую женщину, тем более, что лично мне это совершенно не было нужно.

Минут десять мы сидели молча. Я ела свое пирожное, пила чай, Вика выдула уже два бокала вина, видимо, поэтому у нее развязался язык, и она заговорила:

– Вик хочет уйти от меня, – сказала она мрачно. Я даже поперхнулась.

– Не может быть! Вы столько лет вместе!

– Вот потому и может. Надоела я ему, понимаешь? С четырнадцати лет со мной, знает меня, как облупленную, а вокруг девочки ходят, новенькие, в целлофане, незнакомые – интересно ведь.

– Он тебе сказал?

– Зачем? Я его тоже, как облупленного знаю, любое его движение понимаю еще до того, как он сам понял, зачем сделал его. Хочет. Я тебе точно говорю.

– И давно ты это поняла?

– С месяц уже. Он ведь работу поменял – знаешь? – я знала.– Ну, а там на него дочь босса глаз кинула, вот он и скапутился. Она лет на девять младше меня, папа богатый, дом трехэтажный, джип у нее свой...

– Ну, перестань! Это ты уже на него клеветешь! Он и сам не бедный, и папа у него тоже в большом порядке.

– Если бы клеветала! Он с таким упоением мне все это поначалу описывал – ты бы слышала! А потом примолк вдруг. Но не надолго. Открыл рот опять – стал ругаться, что грязно, что пол невымытый, посуды полная раковина, что не готовлю, что пицца и макароны уже поперек горла стоят, что денег вечно нет. А я виновата, что он заработать не умеет?! И я ему нанималась полы мыть? У меня докторская степень, я ее специально получала – его дерьмо за ним вывозить!

– А почему вы давно не съехались? Дешевле было бы за одну квартиру платить, могли бы домработницу нанять.

– Так он не хотел. И хорошо, что не съехались – представляешь, если бы мы сейчас в одной квартире жили? Кроме того, мы всегда могли раз в неделю-две уборщицу приглашать, не так это дорого, но, опять же, он был против. Чужой человек в доме, роется в его вещах, знает интимные подробности... Плюс – предначертание женщины, мое то есть.

– Что еще за предначертание женщины?

– Женщина должна быть хозяйкой в доме, создавать уют и тепло. Хранительница домашнего очага – слыхала такую чушь?

– Хм, Вик так говорил?

– Угу. Последний месяц – ежедневно. И тут же рассказывал, сколько у его босса прислуги и как его мадам ведет дом, отдавая приказания.

– А почему ей можно самой полы не мыть?

– А это ты у него спроси – он совсем офонарел, крыша рядом. Я знаю, он хочет со мной расплесться и жениться на той соплячке, там родители, вроде бы, не против. Они своей дочуре что угодно готовы купить, лишь бы она довольна была.

– Слушай, а может быть, это и к лучшему? Тебе-то самой он не надоел за столько лет?

– До визга.

– Так в чем дело? Разойдитесь – и все.

– Не все, далеко не все.

– Почему? Что вам делить? Квартира у тебя отдельная, ты работаешь, от него не зависишь. Пусть катится, куда хочет.

Она только посмотрела на меня и опять проговорила:

– Все не так просто, совсем не просто, – я смотрела на нее и не могла понять, жаль мне ее или Вика. А может быть, мне обоим не было жалко, а было лишь скучно и хотелось домой.

– Я беременна, – вдруг сказала она, – пятнадцать недель, аборт делать поздно.

– Ух! – только и сумела произнести я.

– Вик не знает пока. Я и сама только вчера узнала – никаких признаков не было, представь себе. Врач сказал, что так бывает, иногда женщины понимают, что беременны, когда ребенок уже шевелиться начинает.

– Так а с чего ты к врачу пошла?

– Каждые полгода хожу. За здоровьем следить нужно. А он мне и преподнес пилюлю

– Скажи Вику.

– Ага! Он решит, что я его нарочно подловила, не понимаешь, что ли!

– Ух, – опять произнесла я. А что еще я могла сказать? Сидела, смотрела на Вику и думала, как я права, когда не верю ни в какую любовь и роковые страсти. Хотя страсти, и впрямь, выглядели роковыми.

– Ладно, – сказала Вика, – выговорилась хотя бы. Ты ему не проболтайся, хорошо? Пусть будет, что будет. Захочет уйти – держать не стану, устала я от всех этих дел, мне покой нужен.

– А с ребенком что решила?

– Еще не решила, еще думаю.

С тем мы и расстались.

Но через неделю мне на сотовый позвонил Вик и попросил прийти. Ужасно мне не хотелось идти к ним, однако статус друга обязывает, а я стараюсь вести себя правильно, чтобы потом саму себя не жрать. И я пошла.

Лучше бы не ходила.

Вик был у себя – сидел, бледный и пьяный (впервые в жизни я его видела пьяным), в старом ободранном кресле и некоторое время смотрел на меня совершенно бессмысленным взглядом.

– А, это ты, – наконец произнес он, – пришла.

– Пришла. Чего звал? Где Вика? – ответила я сухо.

– Звал... чего звал... нужно значит, вот и звал... – забормотал он, глядя на меня сухими и какими-то белыми глазами. Почему-то в них стоял ужас.

– Вик, – встревожилась я, – ты здоров? Что с тобой? И почему ты напился?

– Ты знала? – он меня совсем не слушал.

– Что знала?

– Ты знала?!

– Да что я должна была знать?

– Ты знала, ты не могла не знать, она тогда за тобой ушла и вернулась пьяная, она с тобой была?

– По-твоему, если кто-то пьян, то потому, что провел время со мной? – ледяным тоном осведомила я.

– Что ж она одна пила?!

– Я не пью, и ты это прекрасно знаешь.

– Да, ты не пьешь, не пьешь, я знаю. А ты знала?

– О, боже, снова здорово! Что я знала?

– Про ребенка.

– Про какого? – я решила держаться до конца. Не желала я впутываться в их дела.

– Про нашего!

– У вас нет ребенка, ты что, допился до галлюцинаций?

– Нет, – покорно согласился он, – но должен был появиться.

– В каком смысле?

– В том, что эта гадина была беременна! Она была беременна, понимаешь, от меня была беременна!

– Почему «была»?

– Потому что эта дрянь, не спросясь меня, сделала аборт! Вот какое право она имела делать аборт без моего согласия?!

– Слушай, но вы так ругались в последнее время, может быть, она думала, что ты хочешь ее бросить?

– Это она тебе сказала? – вдруг совершенно трезво спросил он.

– Нет, это просто догадка. Ведь вы черт знает что друг другу говорили, я вас такими никогда не видела раньше.

– Ругались, да. Потому что сколько можно так жить – нам под тридцать, а мы все, как студенты. Я хотел изменить что-нибудь.

– И потому рассказывал ей о своей новой пассии?

– Это она тебе сказала? Какая пассия – ребенок, девочка. Отец ее ко мне хорошо отнесся, пару раз пришлось к нему домой с бумагами съездить – он ногу вывихнул, ходить не мог. Я этой дурище своей и рассказал, как люди живут, а она в ревность ударилась.

– Значит, так рассказал.

– Как мог, так и рассказал. Мы больше десяти лет вместе, неужели я за это время не заслужил доверия? – он трезвел на глазах, в голосе его послышалась искренняя обида.

– А она решила, что за эти же десять лет надоела тебе.

– Вот дура, а! Ну, дурища, ну что она наделала, гадина, тварь!

– Перестань ругаться. Помирись и еще одного сделаете. Или не одного.

– Не сделаем, – глухо ответил он.

– Почему? Что за пессимизм?

– Потому что я ее убил.

Он произнес это так просто, так обыденно, что до меня не сразу дошло, что именно он сказал. Я вытаращилась на него, а он усмехнулся и промолвил:

– Что зенки вылупила? Не веришь? Убил. Случайно, правда, но убил. Да кто поверит, что случайно, – перебил он сам себя, – свидетелей не было. Убил и все.

– Кккаккк убббил? – я вдруг начала заикаться. – Кккоггддда?

– Да вот перед тем, как тебе позвонил. Убил, понял, что убил, и позвонил тебе.

– Зачем?

– Вот то-то – зачем! Затем, что не знаю, что с трупом делать.

– Ты что, совсем обалдел?! Я, по-твоему, знаю?!

– Слушай, я уже давно понял тебя. Я давно знаю, что ты вовсе не та дурочка, какой прикидываешься, что у тебя деловая хватка и самообладание – будь здоров. И только ты можешь мне помочь, больше мне не к кому идти.

– В полицию тебе нужно идти!

– Не хочу в полицию. Сидеть не хочу. Я ее случайно убил, за что мне сидеть? Она довела меня, я был в аффекте.

– Вот и скажи так в полиции.

– И кто же мне поверит? Говорю тебе, – одни мы были. Даже кошки дома не было – шлялась где-то.

– Не понимаю, как это можно случайно убить человека?

– Можно. Оказывается, можно.

– Как?

– Сейчас, подожди, – он потер лоб, – сейчас, вспомню. Все, как в тумане. Я пришел к ней – она лежит, белая и зареванная. Ну, спросил, в чем дело. Она не говорит. Смотрю – на простыне кровь. Я испугался, хотел «Скорую» вызвать – не позволила. «Я, – говорит, – аборт сделала, врач права не имел, подведу его». Я так в осадок и выпал. «Какой еще аборт, – спрашиваю», – ну, тут она мне все и выдала. Мне бы плюнуть и вызвать все же амбуланс, потом бы разобрались, но у меня, знаешь, в мозгах что-то щелкнуло как будто. Я ее трясти стал и орать, что она дура, потом все потемнело, а потом смотрю – она лежит и не дышит, и все в крови, и я тоже. Ну, убежал к себе, душ принял, одежду в стиралку закинул и позвонил тебе.

– А когда ж ты напиться успел?

– Пока ты ехала.

– Так она там так и лежит? У себя?

– Так и лежит.

– Ну, ты идиот! С чего ты взял, что убил? Может быть, она сознание потеряла, а ты убежал, и она теперь кровью истекла!

– Может быть, – понуро ответил он, – я так испугался...

– Вызови амбуланс сейчас. Никто не докажет, что ты у нее уже побывал. Сколько времени прошло? Часа два?

– Три или чуть больше. Я не могу, я боюсь.

– Тогда вот что... давай, вали из дома куда-нибудь.

– Куда же я пойду?

– У тебя абонемент в тренажерный зал есть?

– Ну, есть.

– Вот туда и иди. Ты в какой ходишь – в торговом центре?

– Да.

– Отлично. Там всегда такая толпа, что никто не сможет точно сказать, когда ты пришел. А я вызову «скорую». Скажу, пришла к подруге и застала ее в таком состоянии.

– Слушай, ты настоящий друг... мне так стыдно, что я все эти годы тебя идиоткой считал...

– Ладно, будет шанс – сквитаемся, убирайся отсюда, быстро!

И он ушел, а я отправилась к Вике.

Все было, как рассказал Вик. Вика, конечно, уже умерла, сделать ничего было нельзя.

Я вызвала амбуланс, причем, мне даже не пришлось притворяться, что я напугана и расстроена, потому что я была по-настоящему напугана и расстроена, вот что удивительно.

Медики приехали очень быстро и так же быстро увезли Вику, сказав, что результаты вскрытия будут известны завтра, а я осталась, чтобы обдумать, как мне быть дальше.

В квартире стоял тошнотворный запах, я открыла окно, и тут же в комнату с улицы запрыгнула кошка – видимо, она ходила гулять.

Не найдя хозяйки, кошка полезла ко мне, чтобы я ее погладила, и я подумала еще, что как же она теперь останется одна... и собака Вика тоже... видимо, придется мне на время забрать их к себе, а потом пристроить в приют, может быть, кто-нибудь захочет их взять.

Я равнодушна к животным, но мне не нравится, что они вечно попадают в неприятные ситуации из-за своей зависимости от людей.

И люди тоже вечно попадают в неприятные ситуации по той же причине, но люди все же могут быть хозяевами своей жизни, а бедные животные нет, поэтому мне их жалко.

Правда, Вику мне тоже жалко, хоть она, отчасти, сама виновата в том, что с ней случилось. Нельзя так зависеть от мужчины, нельзя верить книжным мифам, нельзя так себя не ценить.

Но собаку Вика мне было жалче, ведь ей теперь придется жить не дома, а в приюте, потому что я сейчас выйду на улицу и сделаю анонимный звонок в полицию. Я не стану дословно передавать рассказ Вика, просто скажу, что случайно увидела, как в окне по такому-то адресу мужчина тряс женщину, и хочу сообщить об этом, как и полагается законопослушной гражданке.

Полиция обязательно сопоставит мои слова со смертью Вики, и Вику вряд ли удастся избежать ее внимания.

Не то, чтобы я хотела его наказать, просто, если он останется на свободе, то не перестанет доносить меня своей персоной, а это мне абсолютно ни к чему.

Не хочу я взваливать на себя заботы о чужом и ненужном мужике, мне о себе заботиться нужно.

Мне просто ничего другого не остается, чтобы защитить свою жизнь от его вторжения.

**Единственный выход.
Другого нет.**

Мария Шенбрунн-Амор

Мир с Египтом (Глава из романа «БРИНС АРНАТ»)

На белоснежном скакуне, покрытом драгоценным персидским ковром, сторбившись, потев и пребывая в отвратительном расположении духа, в начале августа 1167 от Рождества Христова его величество король Иерусалима Амальрик I въезжал в распахнутые ворота первого сдавшегося ему египетского города – легендарной Александрии, крупнейшего порта Леванта, через который в Средиземноморье текли неисчислимые богатства Индии.

За четыре года царствия помазанник третий раз являлся в библейскую Землю Гошен и каждый раз совершал все, что было в человеческих силах, дабы не позволить полководцу Нуреддина Асаду Сиракону-Ширкуху завладеть халифатом, который становился тем более желательнее к франкам, чем больше нуждался в их защите. В отличие от бешеных суннитов, фатимидские шииты откладывали джихад против неверных до пришествия сокрытого до конца света имама, а до той поры надеялись использовать латинян к собственной выгоде: нынешний правитель страны Нила – визирь Шавар – уже несколько лет опирался исключительно на рыцарские мечи. Чтобы уберечь дружественную власть, Амальрик осаждал непокорные Шавару города, охранял покорные и ограждал Вавилон от полчищ Сиракона. Король выжидал удобного случая завоевать Египет, однако каждый раз отвлекали события в Сирии. Три года назад он был на грани полной победы, но Нуреддин спутал его планы, захватив в плен князя Антиохии с графом Триполийским и осадив Антиохию. Амальрику тогда пришлось безотложно договариваться со Львом Веры об одновременном выходе из Египта и мчаться на помощь северному флангу Латинского Востока.

Этой зимой стало известно, что неумный Сиракон снова направляется в Египет. По всему королевству немедленно объявили арьербан, и все, кто по каким-либо причинам не мог участвовать в походе, уплатили десятину, даже церковные владения. Конечно, те, кому пришлось раскошелиться, тут же заклеямили монарха алчным сребролюбцем. Но Амальрика постоянно обвиняли в скупости и скаредности люди, которым своя мошна оказывалась дороже Святой Земли.

Собрав ополчение, латиняне двинулись в Египет короткой Виа Марис, чтобы опередить сельджуков, пока те спешили по пустыне за Содомским морем, с помощью бедуинов определяя путь днем по солнцу, по рельефам гор, по хребтам дюн, а ночью – по Северной звезде. Асаду Сиракону, сдается, сам Сатана помогал: он все же обогнал Амальрика, встал лагерем у подножья фараоновых пирамид в Гизе и попытался склонить визиря Шавара на свою сторону, уговорить его предать христианских союзников. Но визирь отказался, ибо только поддержка франков могла избавить его от всякого рода мрачных предчувствий и сокрушить его врагов, из которых сам Горный Лев Асад был первым, а Нуреддин – вторым. Так что Шавар, напротив, пообещал королю четыреста тысяч слитков золота, лишь бы тот не покидал Землю Плодородного Полумесяца, пока в ней остается нечестивый Ширкух-Сиракон. Но Амальрик, сознавая, с кем имеет дело, поставил условием, чтобы его с Шаваром соглашение подтвердил лично сам халиф.

Гуго, сеньор Кесарии, и говоривший по-арабски казначей храмовников Жоффруа Фуше – египтяне настояли на присутствии одного из тамплиеров, ибо знали, что их слово нерушимо, – были допущены в святая святых Фатимидов – во дворец халифа, куда доселе не ступала нога латинянина. Послы узрели невероятную роскошь, дивных зверей, неведомых птиц, сады и фонтаны, которым не имелось равных даже в Константинополе. Халиф аль-Адид ока-

зался высоким юношей с пробивающейся бородкой, вавилоняне простирались перед ним ниц, и сам Шавар целовал его туфлю, но прямой и доблестный Гуго этим не смутился, потребовал, чтобы халиф скрепил договор рукопожатием. После некоторого замешательства и объяснений евнухов аль-Адид сообразил, что без защиты франков не доживет до следующего намаза и уступил: наместник Магомета снял перчатку и вложил мягкую, холеную длань в заскорузлую ладонь честного рыцаря, хоть и сделал это без видимой радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.